

СИМВОЛИКА ДЕРЕВА В СНОВИДЕНИЯХ

АННА АНДРЕЕВНА ЛАЗАРЕВА

(Российский государственный гуманитарный университет: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6)

***Аннотация.** На основе полевых материалов, собранных автором в Полтавской области, в статье рассматривается символика дерева в нарративах о вещих сновидениях. Интерпретация сна о дереве не всегда объяснима с помощью правил, содержащихся в народном соннике. В работе выделены три ключевых метафоры, определяющие осмысление этого образа при толковании сюжета сна: дерево — символ человека (тела человека); дерево — «родовое древо», плоды/ветки — члены семьи; цветущее дерево (сад) — символ любви. Первый вариант актуализируется, если увиденное во сне дерево было повреждено, что чаще всего предсказывает чью-то гибель либо получение травмы самим сновидцем. Второй — если сновидец замечает неравномерность в цветении, плодоношении или засыхании дерева, что может пониматься как предсказание смерти (рождения или выздоровления) членов семьи. Третий вариант связан с образом плодовых деревьев или сада, приснившихся цветущими. В большинстве рассмотренных нарративов речь идет о конкретных деревьях, увиденных во сне в определенном состоянии (срубленными, цветущими, плодоносящими), или же о существующем в реальности месте, на котором сновидец обнаруживает новое дерево. Другими словами, чаще всего образ дерева осмыслялся как часть территории, принадлежащей определенным людям.*

***Ключевые слова:** мифологический образ дерева, фольклор восточных славян, народный сонник, пространство сновидения, яблоня и яблоко.*

Образ дерева занимает важное место в фольклоре восточных славян. Семантика дерева изучалась исследователями прежде всего на материалах обрядности: использование ритуального дерева (веток, деревянных предметов) в свадебных, похоронных, календарных обрядах, народной магии и т.д. [Агапкина 2012, 35–39]. Среди других источников реконструкции мифологического образа дерева можно назвать лирические

песни, баллады, сказки, легенды, предания, мифологические рассказы, связанную с деревьями фразеологию¹. На мой взгляд, нарративы о вещих сновидениях могут быть не менее ценным материалом при изучении данного вопроса, оставаясь в этом отношении практически неисследованными². В статье рассматривается интерпретация образа дерева в рассказах о вещих снах, записанных мною в Полтавской области (г. Миргород, с. Любив-

¹ См.: [Агапкина 1999, 1999а, 2012, 2014; Петрухин 1999; Добровольская 2003; Толстая 2004; Колосова 2009; Криничная 2010; Денисова 2012] и др.

² Проблема символики растительного мира в сновидениях затрагивается в книге Е. Ю. Сафронова [Сафронов 2016, 179–200], однако автор ограничивается рассмотрением образов растений и цветов в снах о посещении иного мира.

щина, с. Зубовка) в 2012–2016 гг.³. Целью работы является сравнительный анализ правил толкования сна, объединенных понятием «устный сонник», и практики интерпретации конкретных сюжетов.

В славянском фольклоре природа предстает одушевленной, а деревья наделяются антропоморфными чертами: в быличках и сказках дерево способно разговаривать, двигаться и предстает как персонаж, обладающий собственной волей [Криничная 2010, 80–81; Добровольская 2003], в народной лирике отождествление героя с деревом — довольно распространенный художественный прием [Костомаров 1843, 28–63; Автамонов 1902], в традиционных ремеслах изображение дерева уподобляется человеческой фигуре [Криничная 2010, 81, 84]. Подобная параллель прослеживается и в творчестве одной из опрошенных мною респонденток, Аллы Анатольевны Иващенко, которая украсила яблоню в своем саду, нарисовав на ее ветке два глаза (фото 1), сделала из деревянного полена декорацию для интерьера, напоминающую мифологического персонажа с человеческими и растительными чертами.

Общим для всех славян является представление о связи между человеком и деревом: гибель дерева влечет за собой смерть человека, и наоборот — дерево-двойник увядает после смерти человека [Толстой 1994, 37; Криничная 2010, 79–80]⁴. Подобные верования определяют толкование сна о поврежденном, гибнущем дереве: *дерево срубленное или сломанное видеть — помре страший у доми* (могилев., витеб.) [Романов 1889, 71], *рубить дерево — намре нехта* (минск.) [Ляцкий 1898, 149], *видеть во сне, как сломалось дерево перед хатой, — к смерти кого-либо из живущих в ней* (ровен.) [Толстой 1994, 33–37]; *дэрэво коля хаты повалыця — покойнык з родыны* (брест.) [Гура 2012, 124]. Однако эти формулы не всегда

реализуются в нарративах о вещих сновидениях буквально:

«<Соб.: А если снятся растения, деревья?> Ну, если сухое — это плохо. А вот зельное — очень хорошо. Плохо, когда його срубают, режут. <Соб.: А к чему это снится?> В мене, наприклад, єсть знакоми там одні (були: вже нема їх обох), муж і жена. У них перед доміком їхнім... <...> виріс дуб. І я до них прихожу і все обминаю ж його. І он потом виріс уже слава богу <большим>! Потом я перейшла робить на м'ясокомбінат, вони остались на крупзаводі робить. І я про них не чула. А потом снится мені сон, що я прийшла до них, глянула: нема того дуба. І кажу ж на роботі, хто там знав ту жінчину. Кажу: "Ви знаєте, отак і отак, у Дердичихи, — кажу, — хтось дуб сплявав". А вони кажуть, що умер дядя Мітя. Мені снився сон, а в них збулось» (Зап. от Нины Ильичны Ксенз, 1948 г. р., г. Миргород, Полтавская обл. 2013 г.)⁵.

Отметим некоторую парадоксальность рассказа. Респондентка вспоминает об этом сновидении в контексте толкования «плохо, когда дерево срубают, режут» — другими словами, нарратив выступает своеобразной иллюстрацией этой «приметы». Однако при описании сюжета сна не говорится, что дерево рубили, что оно засохло или было еще как-то повреждено — рассказчица вообще не видела во сне дуба (*глянула: нема того дуба*). Получается, толкование сна определяет отсутствующий в нем образ? Это кажется странным, если учесть, что метаморфозы (например, отсутствие деревьев и даже целых зданий на их обычных местах) характерны для сновидений: было бы гораздо более необычно, если бы увиденное во сне пространство в точности соответствовало своему прообразу — реальному существующему месту. Встретившись с респонденткой спустя два года, я воспользовалась случаем, чтобы задать дополнительные вопросы по поводу

³ Также использованы материалы из опубликованных источников [Романов 1889; Ляцкий 1898; Дерунов 1898; Лурье, Черешня 2000; Сны и видения 2002].

⁴ Яркий пример реализации мотива «дерево — двойник человека» в сказках приводит В. Е. Добровольская: князь возвращает своей жене исконный облик, разламывая веретено, в которое та была превращена. Из обломков возникают расколдованная девушка и ее двойник — береза [Добровольская 2003, 11].

⁵ Анализируемые и цитируемые в статье полевые материалы, кроме специально оговоренных случаев, записаны автором статьи и хранятся в ее личном архиве.

этого сна: «На соседней улице есть домик и вот так крыльцо. <...> И вот здесь рос дуб. Я рассказывала? <Соб.: Да.> Ну отож. Мне приснился сон, что **его спилили**. Его нет. <Соб.: А его спилили или его просто не было?> Нет, просто **кто-то его убрал. Спильное дерево**. <Соб.: То есть там пенек был во сне?> Ну, **пенька я не видела, а просто удивилась, что его нет. И там никаких ни веток, ничего не было**. Я говорю: “Ой, что же это такое?”. Все время выходишь и на него наталкиваешься, говорю: “Где же он?”. Ну и всё, на том кончилось. Через некоторое время дошел слух, что хозяин умер. <...> Они так лелеяли это дерево прямо. Дуб. И так красиво он туда вписывался. И вот, когда <дуба> не стало, и хозяина не стало».

Как видим, интерпретацию исчезнувшего во сне дуба нельзя понять без описания этого дерева в реальности. Дуб рос возле дома соседней сновидицы (см. вышеприведенный пример: *видеть во сне, как сломалось дерево перед хатой, — к смерти кого-либо из живущих в ней*), которые лелеяли это дерево прямо. В контексте всего сказанного это неудивительно: чтобы из маленького ростка, пробившегося посреди места, где постоянно ходят (см. слова рассказчицы: *все время выходишь и на него наталкиваешься; я до них прихожу и все обминаю ж його*), выросло дерево, его нужно оберегать, огораживать, что выглядит несколько нерациональным. Возможно, хозяева дома были движимы не только эстетическими соображениями, но и воспринимали появившееся деревце как добрый знак. В любом случае для нас важно, что дуб, о котором идет речь, был индивидуализирован — выделялся среди других деревьев. Во сне рассказчица замечает его отсутствие и удивляется этому: «Ой, что же это такое? Где же он?»⁶, — что делает исчезновение дуба лейтмотивом рассказа.

Сновидица завершает свое повествование словами *когда <дуба> не стало, и хозяина не стало*. Параллель «дуб — хозяин дома» неслучайна: в народной культуре дуб имеет мужскую символику [Агапкина 1999, 62–63], что отражено и в снотолкованиях: *если свалится*

дуб — умрет мужчина [Толстой 1994, 37]; «Як хто сосну <...> зрижэ — то на жэничыну мрэць будэ, а як дуба — то на мужчыну мрэць будэ» [Гура 2002, 73–74].

Любопытно, что отсутствие дерева во сне (*пенька я не видела; ни веток, ничего не было*) трактуется рассказчицей как результат чьих-то действий (*хтось дуб спилив, его спилили, кто-то его убрал, спильное дерево*). Таким образом, нарратив о сновидческом опыте конструируется с помощью логики причинно-следственных связей (дерево не может просто исчезнуть — значит, его спилили), которая «не работает» в мире сновидений. Такое осмысление «подгоняет» сюжет сна под правило *рубить дерево — к смерти*. При этом реальный «механизм» толкования (интерпретация самой метафоры, произошедшей во дворе знакомых сновидицы) остается затемненным.

Сходный рассказ приводится в статье М. Л. Лурье и А. В. Черешни: «<Брат> на войне. Ему <отцу> приснился сон — он написал письмо сюда — что у нас в огороде черны все яблони — он написал. И которую отец больше любил яблоню, её срубили. Срубили. Нам похоронка: брата убили» (Новг. обл.) [Лурье, Черешня 2000, 283, № 22]. Как и в предыдущем нарративе, сюжет сна сводится к описанию трансформаций реального пространства. Мужчина видит сад возле своего дома опустевшим, мертвым (*черны все яблони*), что предсказывает беду и траур в его семье. Срубленная любимая яблоня отца ассоциируется с его погибшим на войне сыном. Однако, поскольку о процессе срубания яблони ничего не сказано, можно предположить, что, как и в прошлом рассказе, здесь важнее отсутствие яблони на положенном месте.

И напротив, в нарративах, где приснившиеся деревья не соотносятся с домашним локусом (которых было записано гораздо меньше), их свойства (или производимые над ними действия) подробно описываются: «У меня мама была уже в восемьдесят лет, она проснулась и говорит: — Случится в семье беда. — Почему? — Приснилась яблоня: **цветущая, молодая, с обгоревшим корнем** — будет беда. Через три дня у моего брата разбился

⁶ Произнесенные (услышанные) во сне слова (и даже запомнившиеся мысли сновидца) зачастую подвергаются расшифровке так же, как и визуальные образы [Лазарева 2016, 38–39].

сын» (Зап. от Наталии Ивановны Стась, около 50 лет, г. Миргород, Полтавская обл. 2013 г.). Яблоня здесь отождествляется с человеком не по территориальному принципу, а на основе метафорического сходства: поврежденность покрытого цветами дерева акцентирует внимание на преждевременности смерти попавшего в аварию юноши⁷. В отличие от предыдущего рассказа, образ яблони яркий, выпуклый, поскольку символичны ее свойства.

В рассмотренных выше сюжетах сновидец обнаруживает во сне результат действия, оставшегося как бы «за кадром» (*хтось дуб спиляв, яблоню срубили*), однако встречаются нарративы, где интерпретируются совершаемые с деревьями манипуляции: *«Вот, брата убили, вот на ярмонке — Тихвинская была, в Заборье. Он молодой, ешио не жанивши был. <...> И я видела: валяла лес, и до чего я только его валяла, и клали в кучку, и грузили, и что-то рубили из этого леса — и вот как раз покойник. Лес к покойнику всегда»* (Тверская обл.) [Лурье, Черешня 2000, 281, № 3].

Рассказчица говорит: «Лес — к покойнику» — однако в сюжете сновидения рассказчица видит не просто лес, а действия, производимые в лесу: «рубили», «валяли», «грузили». Вырубка деревьев ассоциируется с убийством, а их складывание в кучу, перевозка — с похоронами и ритуальными действиями, производимыми с телом покойника. Лес в «устном соннике» может символизировать множество людей, например войско: *Лес дремучий видеть — солдат видать* (ярослав.) [Дерунов 1898, 151], а вырубка леса — некое коллективное бедствие, затрагивающее судьбы многих людей: *як сниться, що рубают у лісі дрова — то значить буде мор на людей и на скотину* [Гура 2012, 124]⁸. В данном случае лес может ассоциироваться с ярмаркой, где убили брата: деревья — собравшиеся там люди. Можно

предположить, что парня убили в ходе драки, что делало бы мотив вырубки леса во сне еще более символичным: удары топора, шум, поваленные деревья могли бы ассоциироваться с потасовкой. Важно и то, что сновидца сама привнесла участие в выручке леса (*валяла лес, и до чего я только его валяла*), что дополнительно указывает на то, что трагедия коснется кого-то из ее близких.

Отметим региональную специфику сюжета о срубании деревьев (как и самого образа леса). Тверская область, в которой записан данный нарратив, — лесная зона, где добывается древесина. Вырубка леса — часть повседневной жизни ее населения, поэтому людям снятся сны с таким сюжетом. В Полтавской области мне встретился нарратив, где сходное значение имеет близкое по семантике действие — «косить»: *«Снилось, шо я іду з роботи (я ходила через поле), а главный технік косить у себе на огороді молоде жито і перекапує граблями землю — через время його жінку вбило током, молоду, тридцяти їй не було»* (Зап. от Надежды, 1952 г.р. (урож. Николаевской обл.), г. Миргород, Полтавская обл. 2013 г.).

В данном случае важна параллель «жито <рожь> — жизнь»: подобная формула многократно записывалась в Полесье, см.: [Гура 2002, 74, 77], в Белоруссии: *жито — к доброму життю* [Романов 1889, 71], встречалась и в Полтавской обл.: *жито — это жизнь* (Зап. от Галины Николаевны Жижка, 1952 г.р., г. Миргород, Полтавская обл. 2012 г.) *«Якщо жито сниться: ідеш по житові, чи просто сієш жито — це на життя: на багате життя, чи на яке життя»* (Зап. от Валентины Петровны Соломко, 1959 г.р. (урож. с. Любивщина), г. Миргород, Полтавская обл. 2016 г.). Кошение, жатва интерпретируются как предвестник смерти в белорусских записях «народного сонника» [Романов 1889, 61, 72; Яццкий 1898, 143];

⁷ При этом мы не можем исключать возможности того, что увиденная во сне яблоня была проекцией реального дерева. На соотносительность увиденной яблони с существующим в действительности деревом (пространством) может указывать толкование, которое, по словам рассказчицы, было сформулировано сновидицей изначально: *случится в семье беда*, совпадающее со значением сна о поваленном именно возле дома дереве (см. выше). Такая подробность могла быть опущена, поскольку сон рассказывала не сама сновидица, а ее дочь.

⁸ Также существует понимание леса как чужого, враждебного пространства, «инога мира», см. толкование «заблудиться в лесу — к смерти» [Живица 2004, 80], которое не будет рассматриваться в данной статье, поскольку не имеет непосредственного отношения к символике дерева.

Фото 1. Изображение глаз на дереве на месте «глазков» (неразвившихся в побег почек). Фото сделано в саду А. А. Иващенко, г. Миргород, 2015 г.

Photo 1. Eyes painted on a tree at the point where buds had not developed into scions. Photo taken at A. A. Ivashchenko's garden, Mirgorod city, 2015.

в полесских материалах особо выделяется кошение жита: *якишо жыто жнэш — жызын дожынаеш* (волын.) [Гура 2002, 74, 77]. Молодое жито соотносится с молодой женой⁹, муж которой будто бы «укорачивает» ее жизнь, «отрезает» жену от себя¹⁰. Взмах косы, срезающей колосья, может ассоциироваться с внезапным ударом тока, оборвавшим жизнь женщины. Копание земли (*перекапуе граблями землю*) символизирует похороны. Имеет значение человек, совершающий действие (главный техник), и снова важно место, где разворачивается сюжет сна (у него в огороде), — детали, указывающие на то, что трагедия произойдет в жизни этого мужчины, а не сновидицы.

Во время полевых исследований мне встретилась другая, довольно любопытная версия толкования сна о срубленном дереве: «*А вот в этих людей, вот соседей, осина была, две штуки. И моя мама, заболела — нога у нее, и ее лечили-лечили здесь,*

потом <дали> направление на Харьков, во вторую больницу. И она оттуда мне пишет письмо: “Нина, наверное, со мной произойдет что-то такое, потому что мне приснилось, что одну из осин этих спилили”. А она как бы <...> на границе между грядками была. <...> Ну, ей отрезали ногу. Никто осину не трогал, она считалась будто бы наша» (Зап. от Н.И. Ксенз, см. выше. 2013 г.). Произошедшее вскоре после увиденного сна событие (ампутация ноги) актуализировало метафору: две растущие рядом (возможно, из одного корня) осины — две ноги. Создается впечатление, что подобный сюжет единичен и окказионален, — именно расположение деревьев и сделанная сновидице операция определили осмысление осины как символа ноги. Однако мы встречаем сходную запись в полесских материалах: *сломать дерево — у себя что-то поломаешь: руку, ногу* (ровен.) [Гура 2012, 124]¹¹.

⁹ Здесь можно провести параллель с образностью народной лирики, где молодая жена сопоставляется с зеленой травой: «*Ой зелена, зелена в поле травка... А молода, молода у Андрея жена*» [Автамонов 1902, 243].

¹⁰ Ср. с толкованием отрезания волос, которые также могут символизировать «жизнь», а точнее — жизненную силу человека: «*обрезать косы, волосы — к смерти*» (кубан.) [Гура 2016, 345]; «*волосы отрезаешь — кто-то отрежется от тебя*» (полтавск.) [Лазарева 2016а, 90].

¹¹ Ср. с образностью народной лирики: на могиле героини гуцульской баллады «*там, де були бели ноги, там выросли два явора, а де були бели руки, там выросли две сосноньки...*» [Агапкина 1999, 63]; во многих песнях структура дерева сопоставляется с частями человеческого тела: кора ассоциируется с кожей, сок — с кровью, ветви символизируют руки и т. д. [Мазалова 2001, 9, 34–35; Агапкина 1999, 63].

Важность пространственного кода при толковании сна подчеркивается особым вниманием к местоположению деревьев, растущих на границе между земельными участками. Рассказчица несколько раз упоминает об этом, как бы пытаясь разобраться, кому же они принадлежат: ее семье или соседям. С одной стороны, сама респондентка считает, что осины соседские (*вот в этих людей, вот соседей, осина была, две штуки*), с другой — соседи не претендовали на эти деревья (*никто осину не трогал, она считалась будто бы наша*). Поскольку осина не садовое дерево и не представляет собой ценности, вопрос о ее принадлежности определенным людям важен только в рамках толкования сна: в зависимости от того, кто является владельцем дерева, прогноз сновидения будет предназначен либо сновидице, либо ее соседям.

Иная модель интерпретации образа дерева основана на метафоре родового (или семейного) древа: *«Дерево поперше обособлюється во всіх літописаннях так, як твій рід. Твої ветки, ствол — твоя родня. Смотри ж яке дерево, як воно сниться, які гілки будуть: чи цвітує, чи увявши. Чи яка гілка цвітує, а яка увявши — вот і думай який там родич. Чи це що-небудь. Може він хворий, та та гілка усохла, а сниться тобі, що вона почала набирати листя. Це твій рід. И вот можно вичисліть хвороби по цьому. Шо, допустим, у тебе брат хворий, і сниться тобі дерево, усохла ветка, а вот она тобі прямо цвіт дає — значить, піде на поправку»* (Зап. от Валентины Станиславовны Едчик, 1960 г.р., г. Миргород, Полтавская обл. 2015 г.).

Метафора «дерево — род, ветки — члены семьи» прослеживается в языке (обозначение родственных связей через растительный код: корни — предки человека, ветви — линии родства, семья — потомок); в песнях, заговорах, поговорках части дерева символизируют членов семьи (ветки — детей, корень — отца, верхушка — дочь) [Агапкина 1999, 63; Криничная 2010, 78, 81].

Анализируя ответ женщины, можно выделить идею частичного, неравномерного цветения или засыхания дерева во сне (*яка гілка цвітує, а яка увявши*),

каждая из веток которого связывается с состоянием здоровья и судьбой отдельного родственника. Засыхание ассоциируется с болезнью, цветение — с выздоровлением (см. языковые коннотации: *цветущий* вид, наоборот: *увядший, иссохший* человек).

В другом нарративе людей символизируют растущие на дереве плоды: *«Потом от тоже сон такий, запам'ятався мені. У мене дядько рідний (батьків брат) є, живе там на другій стороні села. І сниться, що яблуня цвіте: така гарна, а плід такий (два яблука) достиглий і великий. Я кажу: "Тю! Ну що це яблуня цвіте, а два яблука... Коли вони вспіли так вирости?" Уже такі достиглі, великі яблука. Ну я отак на це не звернула увагу. Коли пройшло декілька, може і місяців (два, може і три пройшло, як оце мені снилося) — мій дядько помирає. Умер дядько, а в скорості жінка його за ним. А я тоді кажу: "А мені такий сон колись снився, що в них, тільки входить на двір — ця яблуня..." <Соб.: А, так это их дерево?> Їхнє дерево. І в їхньому і дворі, де вони жили. <...> А я тоді там жінці розказую, одна в нас вона ворожила, така. Я кажу: "Ви знаєте що, я тоді не звернула увагу, мені, кажу, такий сон красивий приснився, — кажу, — яблуня у них дуже цвіла, а два плоди — такі, все". Вона каже: "Ну, правильно, це цвітує, життя продовжається, а два достигло — вже всьо, кончилась їхня життя"»* (Зап. от Светланы Ивановны Купка, 1959 г.р., с. Зубовка, Миргородский р-н, Полтавская обл. 2015 г.).

На первый взгляд кажется, что толкование сна должно быть благоприятным — ведь дерево не сломано и не засохло, а наоборот — цветет, плодоносит: *яблуня така гарна; такий сон красивий приснився*. Но необычность увиденного (на яблоне одновременно растут и цветы, и уже созревшие плоды), на которую обращает внимание респондентка, сводит понимание этого образа к рассмотренному выше паттерну: дерево может пониматься как «семейное дерево» сновидицы (или ее дяди) и даже шире — как весь род человеческий. На фоне цветов, олицетворяющих молодость, спелость двух растущих рядом яблук, символизирующих супружескую пару¹², осмысливается как предсказание завершения жизни этих людей:

¹² Параллель этому образу мы встречаем в русских свадебных песнях, где два яблока симво-

це цвітуща жизнь продовжається, а два достигло — вже всьо, кончилась їхня жизнь (см. выражение *поспелый*, которым характеризуют старика [Толстая 2004, 689]). Подобную аллегория (яблоня — мир, растущие на ней плоды — люди) мы встречаем в загадке: «*Стоит древо среди самого белого света. На этом древе сидит ворон, яблоки щипает и в яму бросает. Но яма не наполняется, и яблоки не убывают*»: дерево обозначает мир, яблоки (в др. вариантах цветы, ягоды) — людей, а ворон — смерть [Денисова 2012, 48; Петрухин 1999, 341]. Поскольку рассказчице приснилась реальная яблоня, растущая во дворе у ее родственников, предсказание сна соотносится с этой семьей.

Заметим, что в другом контексте спелость увиденных во сне плодов могла бы интерпретироваться как благоприятный знак. Толкование *сон о падении двух яблок предвещает рождение близнецов*, также записанное в Полтавской области [Белова 2012, 610], указывает на возможность иной трактовки рассматриваемых образов: падение спелого яблока ассоциируется не со смертью, а с рождением (см. метафору: яблоня — мать, а яблоко — ребенок [Автамонов 1902, 62]). Рассказчица истолковала свой сон не сразу, а лишь после того, как умерли оба ее родственника. Можно предположить, что при других обстоятельствах сон мог бы быть соотнесен с появлением в этой семье детей.

Еще в одном нарративе, где актуализирована метафора «плоды — люди», спелость плода оценивается положительно, поскольку противопоставлена не цветению (как старость — молодости), а его незрелому, «зеленому» состоянию, соотносимому с непригодностью, неопытностью человека: «*Меня хотели назначить директором музея¹³, а я такую работу очень не люблю. Мне приснилось, что вижу я на подносе три груши: одна маленькая и зеленая, другая побольше, но тоже неспелая, а третья большая. Так и получилось: у нас первый директор побыл на должности совсем недолго и был неопытным человеком, второй подольше,*

а вот третий до сих пор работает» (Зап. от Натальи Леонтьевны Палец, 1956 г. р., г. Миргород, Полтавская обл. 2012 г.).

Несмотря на то что и цветение, и плодоношение деревьев во сне обычно осмысляются как положительные свойства (о чем будет подробнее сказано ниже), образ яблони (цветущей и плодоносящей одновременно) неправдоподобен, можно сказать — излишне хорош, что запускает механизм обратного толкования. Любая противоестественность оценивается в традиционной культуре негативно, в особенности если речь идет о природных аномалиях [Левкиевская 2004, 298]. В приметах чрезмерное цветение сада и излишне обильный урожай понимаются как предвестники смерти его владельца: «<Соб.: А если дерево цветет <во сне>, это хорошо?> *Мені дуже хорошо. <...> Хоть в житні кажуть, що еслі дуже <чрезмерно> цвіте садок, дуже, — то на смерть хозяйіна. Я знаю... В тот год як мама умерла, в нас так цвіли, так страшне все цвіло, і урожай такий був, що я не знала що з ним робить. То мама ж таки вмерла. Ну в мене каждый год цвіте, а урожай — не дуже*» (Зап. от Н. И. Ксенз, см. выше. 2013 г.).

Аналогично истолковывается и другое отклонение от нормы: когда дерево цветет «не вовремя» (вторично цветет осенью или распускается раньше обычного срока): «*От у меня у прошлом году дед умер, перэд этим росцвела черэшня. От ужэ у июне*» (киев.) [Агапкина 2014, 42–43]. Согласно примете, если яблоня зацветет в начале весны и принесет несколько плодов, в доме, около которого она растет, кто-нибудь умрет [Там же]. Можно провести параллель между нарративами об аномальном (раннем или слишком обильном) цветении и плодоношении деревьев в реальной жизни и сюжетом сна, в котором цветущей и одновременно плодоносящей (что также нарушает законы природы) предстала яблоня родственников рассказчицы.

Несмотря на то что цветение в традиционной культуре может иметь негативные

лизируют жениха и невесту: «*Здесь катались два яблочка... Что первое яблочко — Иван Петрович, а второе что и яблочко — Авдотья Ивановна*» [Автамонов 1902, 63]; «*Что катились два яблочка <...>. Что первое-то яблочко — то Иван сударь Степанович, а другое то яблочко — Лизавета Пантелеевна*» [Костомаров 1843, 61–62].

¹³ Респондентка работает заведующей фондами Миргородского краеведческого музея.

коннотации [Там же, 38], увиденное во сне цветущее дерево или сад обычно истолковывается как добрый знак, предвещающий любовь и свадьбу: *Сад цветущий — дак девицы жаних будя, а хлопцу — нявеста* (мегилев., витебск.) [Романов 1889, 72]; *Цвети — це на жизнь, на любов* (Зап. от Н.И. Ксенз, см. выше. 2013 г.). Подобное толкование отражено в нарративе: *«Снилося мені <...> що (там того дерева ще і приблизно не було, я на тому дворі не жила) я іду отак по вулиці, і їхній двір видно: хата, чудова вишня цвіте. Що Ви думаєте? Я вийшла туди заміж, посадила там черешню, і вона цвіла. <Соб.: Вот такая, как Вы во сне увидели?> Да. Це пройшло може років чотири. Іменно я там посадила ту черешню, і вона цвіла, обильно цвіла. <Соб.: А когда Вы сажали эту черешню, Вы не вспоминали сон?> Вспоминала. Хоть я і расторопша, но я внімательна людина, я щепетільна <...>. <Соб.: То есть Вы вспоминали сон и поэтому посадили?> Ні, не поетому. Но іменно на тому місці я посадила дерево»* (Зап. от В. С. Едчик, см. выше. 2015 г.).

Как видим, здесь снова толкуется метаморфоза реального пространства, только, в отличие от предыдущих сюжетов, дерево не исчезает и не меняется, а возникает там, где его в действительности нет. Цветущая вишня понимается как предвестник свадьбы, что находит параллели в украинском рождественском гадании, фиксировавшемся и в Полтавской области: девушки сажали (ставили в воду) вишневую ветку — считалось, что если ветка расцветет, гадательница вскоре выйдет замуж [Копержинский 1929, 45–46]. Появление цветущей вишни в конкретном дворе указывает на место, где живет будущий жених сновидицы. Интересно, что сон имеет не только метафорическое, но и буквальное значение: переселившись к мужу, рассказчица посадила в том самом месте черешню, которая через четыре года обильно зацвела, как и приснившееся дерево.

Другим распространенным символом любви является яблоня и ее плоды: *«Єслі яблуко сниться — це обично роман. Це для влюбльонних. Це вже відноситься до любви»* (Зап. от В. С. Едчик, см. выше. 2015 г.). Подобное значение образа яблока и яблони выделяет С. Небжеговска на польском материале, объясняя это

толкование библейскими ассоциациями и эротической символикой красного цвета яблока [Niebzegowska 1996, 69]. Символика любви связывается исследователями и с другим свойством — сладким вкусом яблока [Гура 2012а, 300; Автамонов 1902, 65]. Можно добавить, что яблоки широко использовались в свадебном обряде: ими украшали свадебное деревце, каравай [Гура 2012а, 300], молодые съедали пополам румяное яблоко по дороге из церкви [Белова 2012, 608–609]. Образы яблока и яблоневого сада характерны для любовной лирики: *«Як одно яблочко зирвала — тебе, мильй, спизнала; А другее розкусила: тебе, мильй, полюбила!»* [Костомаров 1843, 61], см. также [Автамонов 1902, 63].

Мотив совместного сбора яблок возлюбленными встретился в рассказе о вещем сновидении: *«А до того я встречалась с мальчиком одним, с которым у нас разошлись пути. Я еще была молодой совсем девчонкой. И тоже мне на Новый год приснился сон, что, вроде бы, мы с ним вместе в саду, и яблоки такие, комбайн какой-то или трактор едет и собирает яблоки. И я так на одной яблоне смотрю, а там яблочек вроде нету, и листья какие-то на яблоне облетевшие. И он где-то там отдельно собирает яблоки, а я здесь отдельно яблоки собираю. Что-то... ну вот так, вроде бы я до него не могу и докричаться, ничего. Ну и в скорости, по сути, мы с ним разошлись. Я так поняла, что яблоко — это печаль, что-то вот такое. Облетевший сад — грусть...»* (Зап. от Аллы Анатольевны Иващенко, 1963 г.р., (урож. с. Широкая долина, Велико-Багачаньского р-н, Полтавская обл.), г. Миргород, Полтавская обл. 2015 г.).

Сон приснился рассказчице на Новый год — время традиционных гаданий на жениха (сновидица упоминала в разговоре, что «загадывает» вещи сны в этот период, и рассказывала о другом новогоднем сне, предсказавшем ей замужество). Во сне девушка видит сад, где она собирает яблоки вместе со своим возлюбленным, что актуализирует тему взаимоотношений с ним. Молодой человек отдаляется, уходит от сновидицы: *он где-то там отдельно собирает яблоки, а я здесь отдельно яблоки собираю; вроде бы я до него не могу и докричаться.*

Распространенный мотив, предсказывающий смерть человека, который видится отделенным от сновидца, не реагирующим на его зов, в данном контексте означает расставание. Картина увядания природы (сбор урожая завершается, деревья становятся голыми — начинается осень) усиливает символизм и эмоциональную окраску сна (*облетевиший сад — грусть*). Здесь можно снова провести параллель с народной лирикой, где увядший сад символизирует одиночество и расставание с любимым: «*Был сад зеленый, и тот засыхает... Один был у меня любезный, и тот меня покинул*» [Филатова 2003, 97].

Обратим внимание на вывод рассказчицы: *Я так поняла, что яблоко — это печаль, что-то вот такое*. Хотя сходное толкование яблока было записано от еще одной респондентки: *Яблунка — це, кажуть, яблуко раздора* (Зап. от Н.И. Ксенз, см. выше. 2015 г.), мы понимаем, что толкование сна не сводится к формуле «яблоко — это печаль». Как раз наоборот, отсутствие яблок во сне и разобщенность влюбленных (которые, вместо того чтобы вместе собирать яблоки, расходятся), «переворачивает» толкование яблока как символа любви. Если *сад цветущий — дак девцы жаних будя, то облетевиший сад* предсказывает расставание с женихом, если *яблуко сниться — це обично роман*, то именно исчезновение яблок означает конец любви¹⁴ (что не отражено в формуле *яблоко — это печаль*). Толкования *печаль* и *грусть* можно назвать иносказательными, подменяющими указание на конкретное событие (разрыв отношений).

Несоответствие между рассказом о сновидении (символикой присутствующих в нем мотивов) и выводом (или преамбулой), преподносимыми в виде кратких формул самим рассказчиком (*яблоко — это печаль или лес — к покойнику*), встречается неоднократно¹⁵. Л.Н. Виноградова предлагает рассматривать «тексты-интерпретанты» (существующие внутри традиции мотивировки ритуалов, запретов, формулы толкования снов) как особый языковой или даже фольклорный жанр [Виноградова 2016,

309–310]. В данном случае рассказчица формулирует «объяснение» интерпретации своего сна¹⁶ в соответствии с жанровыми законами устройства снотолкований: конкретность выхваченного из контекста образа (*яблоко*) и размытость его интерпретации (*печаль*) [Niebzegowska 1996, 26–28]. Но, по сути, эти формулы не раскрывают устройства нарратива. Другими словами, в основе практики толкования сновидений и кратких правил интерпретации снов, фиксирующих значение того или иного образа, лежат разные принципы.

Рассмотрев корпус рассказов о вещих сновидениях, мы можем сделать некоторые обобщения. Несмотря на то что деревья появляются во сне довольно часто, далеко не каждое приснившееся дерево получает какое-либо толкование, в отличие от более специфических образов, как, например, монеты, рыба, кольцо и т.д. Во всех рассказах интерпретируется не столько дерево, сколько его свойства, привлекающие внимание сновидца (увядшее, срубленное, цветущее, плодоносящее), а также определенные действия с деревом (рубить, ломать, срывать плоды). В кратких формулах толкования сна на одном полюсе находятся все свойства и действия, связанные с повреждением дерева, которые имеют негативную символику (предсказание смерти, болезни), на другом — образ цветущего дерева, осмысляемый как положительный знак (здоровье, любовь). Однако толкование дерева в нарративах основано не только (и не всегда) на оценочном принципе, что ярко иллюстрирует рассказ о сновидении про цветущую и одновременно плодоносящую яблоню. Важную роль играют существующие в культуре метафоры, связанные с деревом.

1. ДЕРЕВО — СИМВОЛ ЧЕЛОВЕКА (ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА)

Этот вариант актуализируется, если увиденное дерево было повреждено, срублено или просто исчезло. Подобный образ во сне рассматривается как предсказание чьей-то смерти, как правило, преждевременной или даже

¹⁴ Ср. *Дерево зеленое — улюбисья; безлистное — удауцомь будешь* (минск.) [Ляцкий 1898, 149].

¹⁵ См. аналогичные примеры [Лазарева 2016б, 163–167].

¹⁶ Которое, вероятно, было почерпнуто из письменного сонника.

насильственной: авария, удар током, убийство, гибель на войне¹⁷. В некоторых сюжетах деревья соотносятся с частями тела (руками, ногами), а их повреждения предвещают сновидцу травму или болезнь (перелом, ампутация ноги). Символична порода дерева, которая может ассоциироваться с полом, возрастом и статусом человека: яблоня — юноша (сын/внук сновидца), дуб — хозяин дома, осина — старшая родственница (мать рассказчицы).

2. ДЕРЕВО — «СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО»; ПЛОДЫ/ВЕТКИ — РОДСТВЕННИКИ

Дерево осмысляется как символ семьи, если сновидец замечает неравномерность в цветении, плодоношении или засыхании дерева: например, одна ветка засохла, другая цветет, на третьей растут плоды, что может пониматься как предсказание болезни, смерти, рождения или выздоровления родственников.

3. ЦВЕТУЩЕЕ ДЕРЕВО (САД) — СИМВОЛ ЛЮБВИ

Третий вариант связан с образом плодовых деревьев (яблони, вишни) и сада. Цветущие деревья понимаются как предвестники любви. При этом увядший сад (в рамках этой метафоры) может получить противоположное толкование — «к расставанию» (концу любви).

В большинстве рассказов о сновидениях речь идет о конкретных, имеющихся

в реальности деревьях. Эти образы интерпретируются, по принципу метонимии: дерево кому-то принадлежит (растет на чьей-то земле, посажено кем-то), что сразу связывает предсказание сна с определенными людьми (дерево замещает владельца). Подобные сюжеты вещей сновидений во многом совпадают с приметам и нарративами о сбывшихся приметах. Например, восточные славяне верили, что если во время бури повалилось садовое дерево, умрет кто-то из хозяев сада [Агапкина 1999а, 71]. На Русском Севере и в некоторых регионах Полесья в честь рождения ребенка сажали дерево: наблюдая за тем, как оно растет, пытались предугадать, выживет ли новорожденный [Агапкина 1999]. Аномальное (раннее или позднее) цветение деревьев также связывается с судьбой владельцев сада, в котором они растут (см. выше). При этом, в отличие от примет и кратких формул толкования сна, интерпретирующих образ срубленного или поваленного дерева, в сновидениях метаморфозы могут быть ничем не мотивированы: сновидец лишь обращает внимание на то, что в саду отсутствует большое/заметное/любимое дерево. Другими словами, интерпретируются трансформации, происходящие во сне с реальным пространством (садом — локусом, отождествляемым с живущей в доме семьей), где исчезают, меняются или появляются новые деревья.

Литература

Автамонов 1902 — *Автамонов Я. А.* Символика растений в великорусских песнях // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 11. Ноябрь. С. 46–101; № 12. Декабрь. С. 234–288.

Агапкина 1999 — *Агапкина Т. А.* Дерево // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. С. 60–67.

Агапкина 1999а — *Агапкина Т. А.* Дерево плодое // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. С. 70–73.

Агапкина 2012 — *Агапкина Т. А.* Деревья в традиционной культуре славян: проблема системного описания // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 29–43.

Агапкина 2014 — *Агапкина Т. А.* Концепт цветения в традиционной культуре славян // Славяноведение. 2014. № 6. С. 35–46.

Белова 2012 — *Белова О. В.* Яблоко // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. С. 608–611.

Виноградова 2016 — *Виноградова Л. Н.* Тексты народной культуры, наделенные интерпретирующей функцией (мотивировки ритуального поведения, толкования гаданий и снов, мифологическая трактовка знаковых событий) // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 307–321.

Гура 2002 — *Гура А. В.* Снотолковательная традиция полесского села Речица // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 73–94.

¹⁷ Более редкие сюжеты, когда образ маленького деревца (ростка) символизирует рождение ребенка, зафиксированы И. А. Разумовой [Разумова 2002, 298].

Гура 2012 — Гура А. В. Сонник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. С. 122–125.

Гура 2012а — Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной традиции. М., 2012.

Гура 2016 — Гура А. В. Символика тела в сновидениях // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 339–355.

Дерунов 1898 — Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя. III. (Ярославской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 149–151.

Денисова 2012 — Денисова И. М. «Ступай к этому дереву лазоревому, влезь на него...» (к вопросу об образе дерева в русских сказках) // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 43–59.

Добровольская 2003 — Добровольская В. Е. Дерево в русской волшебной сказке // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Вып. 12: Художественная обработка дерева, 2003. С. 8–15.

Живица 2004 — Живица Е. Ю. Устная народная снотолковательная традиция (на материале рассказов о снах): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Колосова 2009 — Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М., 2009.

Костомаров 1843 — Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843.

Копержинский 1929 — Копержинский К. Календар народної обрядовості новорічного циклу // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. Вип. 3. 1929. С. 14–98.

Криничная 2010 — Криничная Н. А. Дерево-человек: к проблеме синкретизма и дифференциации фитантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 77–85.

Лазарева 2016 — Лазарева А. А. Эмоции как объект толкования в славянских народных рассказах о вещих снах // Петербургские славянские и балканские исследования (Studia Slavica et Balcanica Petropolitana). 2016. № 2. С. 30–46.

Лазарева 2016а — Лазарева А. А. Выпавший зуб, упавший потолок и другие онирические сюжеты в рамках традиционных моделей толкования сновидений // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 89–103.

Лазарева 2016б — Лазарева А. А. Белый конь и черный мустанг: образ лошади в рассказах о вещих снах // Традиционная культура. 2016. № 4 (64). С. 159–171.

Левкиевская 2004 — Левкиевская Е. Е. Мор // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. С. 296–299.

Лурье, Черешня 2000 — Лурье М. Л., Черешня А. В. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ / Ред.-сост. М. Л. Лурье. СПб., 2000. С. 275–310.

Ляцкий 1898 — Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкователя. II. (Минской губернии) // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 139–149.

Мазалова 2001 — Мазалова Н. Е. Состав человеческого: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001.

Петрухин 1999 — Петрухин В. Я. «Перебранка» на мировом древе: к истокам славянского мифологического мотива // Славянские этюды: Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 240–247.

Разумова 2002 — Разумова И. А. Ониромантическая символика брака, рождения, смерти в современных устных рассказах // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002. С. 290–309.

Романов 1889 — Романов Е. Р. Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 54–72.

Сафронов 2016 — Сафронов Е. В. Сновидения в традиционной культуре. М., 2016.

Сны и видения 2002 — Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М., 2002.

Толстой 1994 — Толстой Н. И. Толкование снов: беглый взгляд с филологической и этнографической точек зрения // Наука в России. 1994. № 3. С. 33–37.

Толстая 2004 — Толстая С. М. «Человек живет, как трава растет»: вегетативная метафора человеческой жизни // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 685–693.

Филатова 2003 — Филатова В. Ф. «Цвели во поле цветочки...» // Русская речь. 2003. № 4. С. 96–103.

Niebzegowska 1996 — Niebzegowska S. Polski sennik ludowy. Lublin, 1996.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аспирант Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; тел.: +7 (915) 066-19-56; email: anna-kadabra@mail.ru

SYMBOLISM OF TREE IN DREAMS

ANNA LAZAREVA

(Russian State University for Humanities: 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation)

Summary. *Basing on field work conducted in Poltava region in 2012–2016 the author considers symbolism of trees in prophetic dream narratives. Interpretation of tree is not always explained by rules contained in the oral dream-book. There are three key patterns defining the interpretation of this image: a tree as a symbol of a person (or a human's body); a tree as a symbol of a family, branches or fruits symbolize family members; a blossoming tree or garden symbolizes love. The first metaphor gets actualized if the tree, which appears in the dream, is damaged. That kind of dream predicts someone's sudden death or personal injury of the dreamer himself (usually broken arm or leg). The second — if the dreamer notices unevenness in the blossoming (fruiting) of the tree, which can be understood as a prediction of death/birth/recovery of person's family members or relatives. The third option is associated with the image of fruit trees blooming in the dream. In most of dream narratives observed the respondents told about trees, existing in reality, which were seen in unusual state (knocked off, flowering, fruiting), or about the real place where the dreamer discovers a new tree. In other words, the image of a tree is often conceptualized as part of a territory belonging to certain people.*

Key words: *mythological image of a tree, folk culture of Eastern Slavs, oral dream-book, dream space, apple and apple-tree.*

References

Avtamonov Ya. A. (1902) Simvolika rasteniy v velikorusskikh pesnyakh [Plant symbolism in Great-Russian songs]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo просveshcheniya* [Journal of the Ministry of people's enlightenment]. St. Petersburg, 1876. No. 11 (November). Pp. 46–101. No. 12. Pp. 234–288. In Russian.

Agapkina T. A. (1999) Derevo [Tree]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, 1999. Pp. 60–67. In Russian.

Agapkina T. A. (1999) Derevo plodovoe [Fruit tree]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 2. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, 1995. Pp. 70–73. In Russian.

Agapkina T. A. (2012) Derevy'a v traditsionnoy kul'ture slavyan: problema sistemnogo opisaniya [Trees in traditional culture of the Slavs: problem of systematic description]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2012. No. 6. Pp. 29–43. In Russian.

Agapkina T. A. (2014) Kontsept tsveteniya v traditsionnoy kul'ture slavyan [Concept of blossom in traditional culture of Slavs]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. 2014. No. 6. Pp. 35–46. In Russian.

Belova O. V. (2012) Yabloko [Apple]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 5. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, 2012. Pp. 608–611. In Russian.

Gura A. V. (2012) Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy traditsii [Marriage and wedding in Slavic folk tradition]. Moscow. In Russian.

Gura A. V. (2016) Simvolika tela v snovideniyaх [Body symbolism in dreams]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac]. 2016. No. 1–2. Pp. 339–355. In Russian.

Gura A. V. (2002) Snotolkovatel'naya traditsiya poleskogo sela Rechitsa [Oneirocritic tradition of Polesye village Rechitsa]. In: *Sny i videniya v narodnoy kul'ture* [Dreams and visions in folk culture]. Comp. by O. B. Kristoforova. Moscow. Pp. 70–94. In Russian.

Gura A. V. (2012) Sonnik [Dream book]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 5. Ed. by N. I. Tolstoy. Pp. 122–125. In Russian.

Denisova I. M. (2012) «Stupay k etomu derevu lazorevomu, vlez' na nego...» (k voprosu ob obraze dereva v russkikh skazkakh) [“Step towards this azure-blue tree, climb onto it...”]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2012. No. 6. Pp. 43–59. In Russian.

Derunov S. (1898) Materialy dlya narodnogo snotolkovatelya. III. (Yaroslavskoy gubernii) [Materials for folk oneirocritic. III. Yaroslavl' province]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1898. No. 1. Pp. 149–151. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (2003) Derevo v russkoy volshebnoy skazke [Tree in the Russian fairy-tale]. In: *Sokhranenie i vrozozhdenie fol'klornykh traditsiy* [Maintenance and revival of folk traditions]. Issue 12: *Khudozhestvennaya obrabotka dereva* [Artistic elaboration of wood]. Pp. 8–15. In Russian.

Filatova V.F. (2003) «Tsveli vo pole tsvetochki...» [“Flowers blossomed in the field...”]. *Russkaya rech'* [Russian speech]. 2003. No. 4. Pp. 96–103. In Russian.

Khristoforova O.B. (comp.) (2002) Sny i videniya v narodnoy kul'ture [Dreams and visions in folk culture]. Moscow. In Russian.

Kolosova V.B. (2009) Leksika i simbolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt [Lexis and symbolism of Slavic folk botany]. Moscow. In Russian.

Kostomarov N.I. (1843) Ob istoricheskom znachenii russkoy narodnoy poezii [About historical significance of the Russian folk poetry]. Khar'kiv. In Russian.

Koperzhins'kiy K. (1929) Kalendar narodnoi obryadovosti novorichnogo tsiklu [Calendar of folk ceremonialism of the New Year cycle]. In: Pervisne gromadyanstvo ta yogo perezhitki na Ukraïni [Initial citizenship and its remnants in Ukraine]. Issue 3. Pp. 14–98. In Ukrainian.

Krinichnaya N.A. (2010) Derevo-chelovek: k probleme sinkretizma i differentsiatsii fitoantropomorfnoogo obraza (po materialam narrativnogo fol'klora Karelii) [Tree-human: to the problem on syncretism and differentiation of a phyto-anthropomorphic image]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences]. 2010. No. 4. Pp. 77–85. In Russian.

Lazareva A.A. (2016) Emotsii kak ob'ekt tolkovaniya v slavyanskikh narodnykh rasskazakh o veshchikh snakh [Emotions as an object for interpretation in Slavic folk narratives about prophetic dreams]. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya* (Studia Slavica et Balcanica Petropolitana). 2016. No. 2. Pp. 30–46. In Russian.

Lazareva A.A. (2016) Vypavshiy zub, upavshiy potolok i drugie oniricheskie syuzhety v ramkakh traditsionnykh modeley tolkovaniya snovideniy [Fallen out tooth, collapsed ceiling and other oneiric plots in the framework of traditional models of dreams interpreting]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2016. No. 1. Pp. 89–103. In Russian.

Lazareva A.A. (2016) Belyy kon' i Chernyy mustang: obraz loshadi v rasskazakh o veshchikh snakh [White horse and black mustang: a horse image in narratives about prophetic dreams]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2016. No. 4 (64). Pp. 159–171. In Russian.

Levkieskaya E.E. (2004) Mor [Plague]. In: Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar [Slavic antiquities: Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 3. Ed. by N.I. Tolstoy. Pp. 296–299. In Russian.

Lurie M.L., Chereschnya A.V. (2000) Krest'janskije rasskazy o sbyvayushchikhysya snakh [Peasant narratives about fulfilling dreams]. In: Traditsiya v fol'klоре i literature [Tradition in folklore and literature]. Papers, publications,

methodology layouts by teachers and students of the Academic gymnasium at St. Petersburg State University. Ed., comp. by M.L. Lurie. St. Petersburg. Pp. 275–310. In Russian.

Lyatskiy E. (1898) Materialy dlya narodnogo snotolkovatelya. II. (Minskoy gubernii) [Materials for folk oneirocritic. II. Minsk province]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1898. No. 1. Pp. 139–149. In Russian.

Mazalova N.E. (2001) Sostav chelovecheskiy: Chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniyakh russkikh [Human compound: Human in traditional somatic convictions of the Russians]. St. Petersburg. In Russian.

Niebzegowska S. (1996) Polski sennik ludowy [Polish folk dream-book]. Lublin. In Polish.

Petrukhin V.Ya. (1999) «Perebranka» na mirovom dreve: k istokam slavyanskogo mifologicheskogo motiva [Wrangle at the World tree: to the origins of the Slavic mythological motif]. In: Slavyanskije etyudy [Slavic essays]. Miscellanea to the anniversary of Svetlana M. Tolstaya. Moscow. Pp. 240–247. In Russian.

Razumova I.A. (2002) Oniromanticheskaya simbolika braka, rozhdeniya, smerti v sovremennykh ustnykh rasskazakh [Oneiric symbolism of marriage, birth and death in contemporary oral narratives]. In: Sny i videniya v narodnoy kul'ture [Dreams and visions in folk culture]. Comp. by O.B. Kristoforova. Moscow. Pp. 290–309. In Russian.

Romanov E.R. (1889) Opyt belorusskogo narodnogo snotolkovatelya [Probes on Belarusian folk oneirocritic]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1889. No. 3. Pp. 54–72. In Russian.

Safronov E.V. (2016) Snovideniya v traditsionnoy kul'ture [Dreams in folk culture]. Moscow. In Russian.

Tolstaya S.M. (2004) “Chelovek zhivet, kak trava raset”: vegetativnaya metafora chelovecheskoy zhizni [Human is living as grass growing]. In: Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura [Arcane thoughts: Word. Text. Culture]. Moscow. Pp. 685–693. In Russian.

Tolstoy N.I. (1994) Tolkovanie snov: beglyy vzglyad s filologicheskoy i etnograficheskoy tochez zreniya [Interpretation of dreams: fleeting glance from philological and ethnographic points of view]. *Nauka v Rossii* [Science in Russia]. 1994. No 3. Pp. 33–37. In Russian.

Vinogradova L.N. (2016) Teksty narodnoy kul'tury, nadelennye interpretiruyushchey funktsiei (motivirovki ritual'nogo povedeniya, tolkovaniya gadaniy i snov, mifologicheskaya traktovka znakovykh sobytii) [Texts of folk culture endowed with interpretation function (motivations of ritual behavior, explanations of divinations and dreams, mythological rendering of sign events)]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac]. 2016. No. 1–2. Pp. 307–321. In Russian.

Zhivitsa E. Yu. (2004) *Ustnaya narodnaya snotolkovatel'naya traditsiya (na materiale rasskazov o snakh [Oral folk oneirocritic tradition (ex-emplified in narratives about dreams)]*. PhD thesis (Philology). Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Email: anna-kadabra@mail.ru

Tel.: +7 (915) 066-19-56

6, Miuskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation

Postgraduate student, Center of Folklore Typology and Semiotics, Russian State University for Humanities
